
СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.3:32.659.4

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-443-456>

Поступила: 29.05.2023

Принята: 07.09.2023

Опубликована: 06.10.2023

**ГЕНДЕРНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ ЖЕНЩИН В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ*****Юшкина Надежда Александровна, Крыштановская Ольга Викторовна****Российский государственный гуманитарный университет (Москва)*

В российском обществе женщины составляют большинство, однако их доля в парламенте России на 2023 г. составляет 19,6 %, что говорит о сохраняющемся гендерном дисбалансе. Статья написана по результатам количественного биографического анализа и данных о присутствии женщин в обеих палатах Федерального собрания РФ. Всего были проанализированы позиции 383 женщин, которые являлись или являются в настоящее время депутатами Государственной думы или Совета Федерации (с 1993 г. по настоящее время). Анализировался не только сам факт присутствия женщин в легислатурах, но и их место в парламентской иерархии, политический ареал обитания, их законотворческая активность и ее направленность. Данные отражают наличие медленного роста присутствия женщин в законодательных органах власти, что объясняется, на взгляд авторов, наличием «стеклянного потолка», который пока так и не удается преодолеть. Одной из возможных причин названа политика «гендерной десятины», при которой политическая система допускает рост представительства женщин до определенного предела (на уровне 10–15 %). По-прежнему сохраняются политические зоны, практически не доступные для женщин (это вопросы внешней и оборонной политики), а влияние «слабого пола» на политику хотя и расширяется, но все-таки остается в пределах традиционных ролей, связанных с регулированием социальной политики, вопросов материнства, детства, экологии, туризма, спорта. Подобный подход сдерживает интеграцию женщин в политический процесс и нуждается в корректировке в интересах гендерного равенства.

Ключевые слова: женщины, политика, власть, парламент, равноправие, гендерная асимметрия, гендер, феминизм, политические процессы, Россия, законотворчество.

Для цитирования:

Юшкина Н.А., Крыштановская О.В. Гендерное представительство и политический потенциал женщин в публичной политике // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 443–456.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-443-456>

GENDER REPRESENTATION AND POLITICAL POTENTIAL OF WOMEN IN PUBLIC POLICY

Nadezhda A. Yushkina, Olga V. Kryshstanovskaya

Russian State University for the Humanities (Moscow)

In Russian society, women make up the majority, but their share in the Russian parliament as of 2023 is 19.6 %, which indicates a persistent gender imbalance. The article is based on the results of quantitative biographical analysis and data on the presence of women in both chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation. In total, the positions of 383 women who used to be or are currently deputies of the State Duma or the Federation Council (from 1993 to the present) were analyzed. The authors analyzed not only the fact of the presence of women in legislatures but also their place in the parliamentary hierarchy, their political habitat, their legislative activity and its orientation. The data showed a slow increase in the presence of women in legislative bodies, which is explained, in the opinion of the authors, by the presence of a «glass ceiling», which has not yet been overcome. One of the possible reasons is the policy of «gender tithing», which is when the political system allows an increase in the representation of women to a certain limit (at the level of 10–15 %). There are still political zones that are practically inaccessible to women (these are issues of foreign and defense policy), and the influence of the «weaker sex» on politics, although expanding, still remains within the traditional roles associated with the regulation of social policy, issues of motherhood, childhood, ecology, tourism, sports. Such an approach hinders the integration of women into the political process and needs to be adjusted in the interests of gender equality.

Keywords: women, politics, government, parliament, equality, gender asymmetry, gender, feminism, political processes, Russia, legislation, gender aspect.

To cite:

Yushkina N.A., Kryshstanovskaya O.V. [Gender representation and political potential of women in public policy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 3, pp. 443–456 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-443-456>

Введение

В российском обществе женщины составляют большинство: по данным Росстата, на 2022 г. доля женщин в общей численности населения составляет 54 % [Численность и состав населения]. Однако их доля присутствия в парламенте России на данный момент говорит о сохраняющемся серьезном дисбалансе представительства несмотря на зафиксированный рост показателей за последние годы относительно первых созывов.

Согласно концепции политической маргинальности Виолы Клейн, непризнание обществом той его части, которая с количественной точки зрения является большинством, но которое оказывается исключенным из процесса принятия решений и не способно воздейство-

вать на изменения в политической сфере, порождает у этого большинства ожидание покровительства и свидетельствует о непрочности демократических основ такого общества [Klein V., 1971]. Способны ли женщины оказывать влияние на политическую сферу в России, лоббировать свои интересы в условиях дисбаланса представительства во власти? Является ли рост представительства заслугой женщин, имеют ли они реальную власть?

Если рассматривать историю представительства женщин во власти за последнее столетие, то максимального представительства в политических структурах женщины достигли в восьмидесятые годы двадцатого века: к примеру, в 1984 г. в одиннадцатом созыве Верховного Совета СССР доля женщин составляла 33 %

[Кочкина Е.В., 1999]. Этому способствовала политика советского государства, которое широко декларировало и закрепляло на идеологическом уровне положение о равных правах женщин, а также подкрепляло его реально существующими гендерными квотами на представительство женщин в высших эшелонах власти. Однако реальное положение женщин в те годы отличалось: участие женщин в управлении государством носило больше декларативный, чем практический характер [Хасбулатова О.А., 2018].

Этот вывод подтвердился в годы перестройки, когда демократизация и отказ от гендерных квот уронили присутствие женщин в политическом поле до минимума: на выборах Съезда народных депутатов РСФСР в 1990 году доля женщин составила 5,7 % [Кочкина Е.В., 1999]. Несколько десятков лет декларативного равенства и номинального присутствия в политике фактически не прибавили женщинам веса, не позволили добиться реального равенства и получить права и власть в обществе.

В последствии, в двухтысячных начинается медленный, но стабильный рост представительства женщин в парламенте. Однако на сегодняшний день женщины не только не достигли показателей советских времен, но и рост их присутствия нельзя назвать устойчивым. Чего добились женщины в парламенте по итогам восьми созывов и можно ли считать последний созыв успешным в части представительства женщин?

Обзор литературы

Описанная выше историческая сводка реального положения женщин в российской политике за последнее столетие укладывается также в рамки концепции «мужского господства» П. Бурдые, исходя из которой женщины, оставаясь в меньшинстве, вынуждены добровольно соглашаться с господством ради сохранения своего присутствия на политической арене [Бурдые П., 2005]. И не только соглашаться, но и отвечать представлениям мужского большинства, которое обозначило для женщин роли, в которые не входят функции реального управления страной и определения глобальных путей ее развития, оставляя женщинам вопросы материнства, семьи и социальной сферы как традиционные, даже при условии, что их компетен-

ции позволяют решать вопросы в других областях. Выход за рамки традиционных сфер присутствия, определенных большинством, либо достижение гендерного паритета в политике могли бы означать существенные сдвиги в сторону женских интересов не только в политике, но и в общественном сознании. В противном случае женщины по-прежнему будут испытывать кризис гендерной идентичности и будут вынуждены играть отведенные им мужским большинством роли.

Вопросам фактического гендерного неравенства в политике, которое присутствует не только в России, но и в большинстве представительных органов власти во всем мире, где женщины до сих пор остаются в меньшинстве, посвящено большое количество работ [Зимин В.А., 2013; Силласте Г., 1994; Цветкова Н.А., 2017]. Политическая активность и различные аспекты политического участия женщин, в том числе не только в России, также достаточно изучены и освещены в научных трудах как российских, так и зарубежных авторов [Айвазова С.Г., 2007; Солодова Д., 2015; Степанова Н.М., 2011; Чирун С.Н., Боброва Е.А., 2018; Шведова Н.А., 2014].

В то же время большинство работ делают упор исключительно на количественные показатели присутствия женщин в государственных институтах власти. Как правило, в этой части анализа приводятся выводы о том, что интересы женщин страдают от недостатка гендерного представительства в парламентских органах власти, исходя из концепции паритетной демократии, предполагающей необходимость стремления к равным пропорциям мужчин и женщин в политике.

В данной работе нас будут интересовать не только количественные показатели женского присутствия в современном парламенте России, но и ряд других факторов, которые могли оказать влияние на распределение гендерных ролей в течение всех восьми созывов Государственной думы новой России.

Хасбулатова О.А. и Смирнова И.Н. считают, что итоги выборов в Государственные думы восьми созывов постсоветского периода, когда число женщин-депутатов не превышало 15,9 %, убедительно показывают, что смена политической системы государства автоматически не меняет стереотипные представления о роли

мужчин и женщин в обществе [Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н., 2022]. Однако так ли все однозначно было на протяжении восьми созывов? Попытаемся это понять.

Целью данной статьи является выявление основных тенденций гендерного представительства и политического потенциала женщин в современном парламенте России.

Женщины в советской политике

В советское время представительство женщин в политических институтах и организациях формировалось под контролем мужчин, которые не только ограничивали допуск женщин к высоким политическим должностям, но и формировали для политического представительства пул женщин, лояльных системе, управляемых и послушных [Jancar-Webster B.W., 1978]. Основной сферой интересов таких женщин была социальная политика, в остальные же сферы доступ женщинам был ограничен правящими мужчинами. Семья, материнство и детство — вопросы, решение которых, как правило, доверяли женщинам. Действующие в стране женские организации строили свою работу вокруг утвержденной партией власти повестки, отвечающей интересам мужчин, и были далеки от борьбы за реальные интересы женщин и их права [Engel B.A., 1987].

Кроме того, была у женщин-политиков еще одна функция, которую В. Тишков описывал как эмоциональную мобилизацию или «подготовку почвы и настрой для постановки или решения драматических вопросов об отставке, дискредитации и т.п.» [Тишков В.А., 1994]. Но и в этом случае в советские годы женщины выступали от лица женщин-матерей, подчеркивали именно эту женскую роль.

В современной России примером реализации функции эмоциональной мобилизации женщиной-политиком можно считать инициативу депутата Государственной Думы Валентины Терешковой об обнулении числа президентских сроков после вступления в силу изменений в Конституции РФ. В своем выступлении Терешкова подчеркивала значимость вопроса для избирателей, говорила о пользе обществу и стране: «Мы должны предусмотреть для людей такую возможность, а люди, народ России, примут окончательное решение» [Валентина Терешкова предложила..., 2020]. Валентина Терешкова начинала свой путь в политике еще в

советское время, поэтому хорошо помнит и знает, каким образом готовить почву для постановки перед обществом драматических вопросов, которые доверяют озвучить избранным политикам. За годы своей карьеры Терешкова накопила значимый авторитет, она является представителем особого вида женщин-политиков — «женщины-легенды», которых в политической истории России было чрезвычайно мало, но они играли особую роль и оставили заметный след. К ним можно отнести первую женщину-министра в советском правительстве, дипломата Александру Коллонтай (1872–1952) и министра культуры СССР Екатерину Фурцеву (1910–1974), последняя из которых занимала эту должность 14 лет. О каждой из них сняты художественные фильмы, их знают и помнят поколения людей, живших в советском союзе и на постсоветском пространстве.

Таким образом, можно сказать, что в советское время существовало два типа женщин-политиков: «женщины-легенды» — уникальные звезды, такие как Коллонтай, Фурцева и Терешкова, и остальная масса «символических женщин» — доярки, сельских учительниц, матерей-героинь, которых избирали депутатами Верховного Совета СССР для номинального представления гендерного баланса во власти и декларативного участия в управлении страной.

Однако «символические женщины» советского периода стали постепенно заполнять все уровни органов власти, принимая на себя роль нового публичного актора — представителя простых тружениц и матерей, которых избирали в депутаты, отдавая дань их заслугам, но под присмотром и с одобрения находящихся у власти мужчин.

Реализация гендерного баланса осуществлялась посредством негласной системы квот на женское представительство во всех властных структурах. «Традиционно присущий России, не имеющей демократических традиций западного образца, мужской феодально-боярский консерватизм неизменно и упорно проявлялся в том, что доступ женщинам на высшие этажи политической власти был ограничен, а иногда и фактически закрыт. На протяжении 1919–1990 гг. в руководящие органы Центрального Комитета КПСС было избрано 193 человека; из них только пять женщин. Они, разумеется, занимали привилегированное, элитарное положение, но значительной роли в определении стра-

тегии и тактики партии не играли» [Силласте Г., 1994, с. 121].

Номинальное представительство женщин в органах законодательной и исполнительной власти СССР не имело ничего общего с обладанием ими реальной властью [Tishkov V.A., 1993]. К такому же выводу приходит и Е.В. Кочкина, по подсчетам которой до 1987 г. «женщины составляли 33 % членов Верховного Совета СССР, 36 % Союзных республиканских Верховных Советов, 40 % — в автономных республиках и 50 % в региональных (краевых,

областных, окружных) и местных (районных, городских, поселковых и сельских) Советах», но при этом они не были влиятельными, т.к. «рекрутировались преимущественно из молодых рабочих, с минимальным электоральным опытом, которые сменяли друг друга при ротации» [Кочкина Е.В., 2003]. Кочкина приходит к такому выводу, анализируя степень «укорененности» женщин-депутатов во власти, которую она рассматривает наряду с количественными показателями (рис. 1).

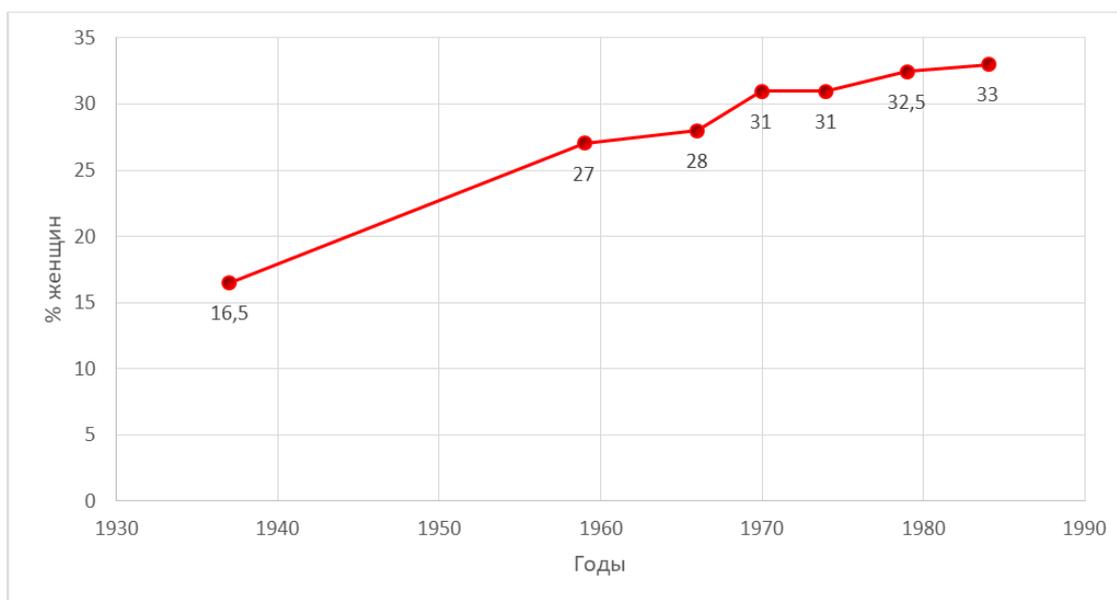

Рис. 1. Доля женщин в Верховном Совете СССР 1937–1984 гг. (%)

Fig. 1. The share of women in the Supreme Soviet of the USSR 1937–1984 (%)

[Составлено по материалам: Кочкина Е.В. Представительство женщин в структурах власти России, 1917–2002 гг. URL: <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/kochkina2.htm>]

[Compiled from the materials of: Kochkina E.V. Representation of women in Russian government structures, 1917–2002. URL: <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/kochkina2.htm>]

В современном российском парламенте существует пул женщин, которые хорошо «укоренены» во власти и обладают стажем работы в обеих палатах парламента более двадцати лет, большинство из них до сих пор обладают мандатами: Валентина Пивненко, Оксана Дмитриева, Елена Драпеко, Галина Карелова, Елена Мизулина, Людмила Нарусова и др. Тамара Плетнева была депутатом нижней палаты семь созывов подряд, а Екатерина Лахова, Светлана Горячева, Валентина Петренко и Светлана Савицкая начинали политическую карьеру еще будучи депутатами Верховных Советов СССР и

РСФСР в период до 1991 г. и успешно продолжали его в современном парламенте, являясь его ветеранами.

Их пример показывает, что в постсоветской России произошли качественные изменения в гендерной расстановке сил на политическом поле, которые следует рассмотреть подробнее.

Исследование

Для того, чтобы ответить на вопросы, поставленные выше, из открытых источников в сети Интернет с официальных ресурсов государственных органов законодательной власти бы-

ли собраны и занесены в специально созданную базу данных количественные показатели присутствия женщин в обеих палатах парламента России, начиная с декабря 1993 г.

Сбор информации проводился на официальном сайте Государственной Думы РФ, официальном сайте Совета Федерации РФ. Всего проанализированы биографии 383 женщин-политиков, все они были формализованы и помещены в базу данных для количественного анализа.

Динамика представительства женщин в Госдуме и Совете Федерации

Количественные показатели присутствия женщин в российском парламенте указывают на то,

что верхняя и нижняя палаты парламента имеют различия в гендерном формировании состава, начиная с первого периода. Верхняя палата отличается плавным ростом присутствия женщин в период с 2000 по 2011 г., который переходит в заметный скачок показателя присутствия начиная с 2011 г. (7,4 %), достигающий своего пика в 2022 г. (21,8 %). Ситуация в нижней палате парламента иная: максимальный показатель присутствия женщин зафиксирован в 2007 г. (16,9 %), однако за ним не последовало роста — в VIII созыве Государственной Думы РФ доля женщин составила 16,5 %. Данный уровень по сути явился для женщин-депутатов «стеклянным потолком», который им не удалось преодолеть (рис. 2).

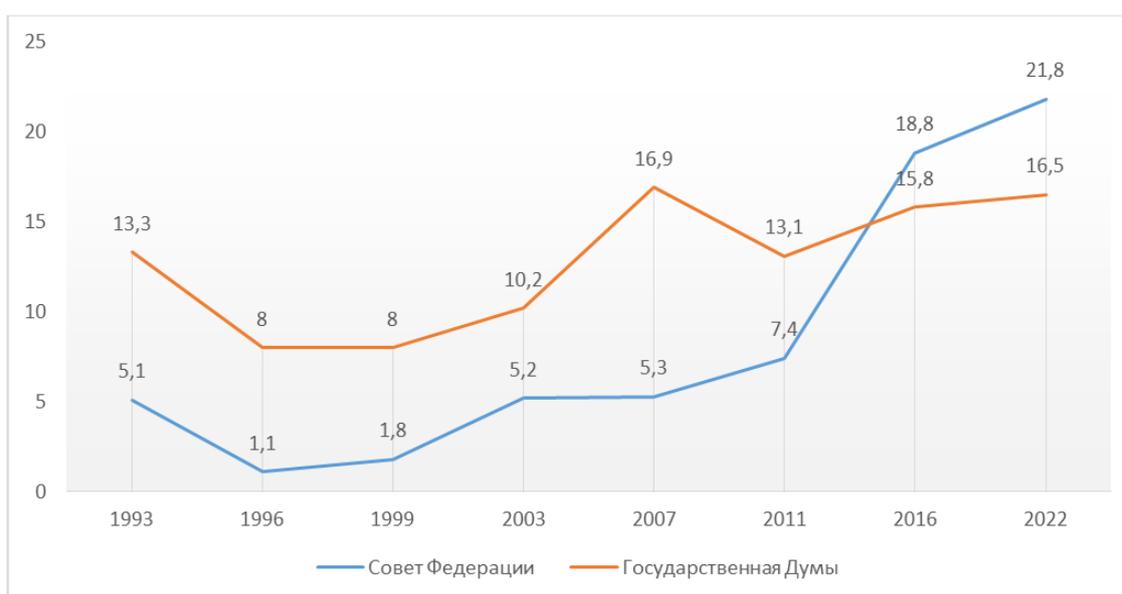

Рис. 2. Динамика представительства женщин в парламенте России (1993–2023 гг.)

Fig. 2. Dynamics of women's representation in the Russian Parliament (1993–2023)

[составлено авторами по материалам исследования]

[compiled by the authors based on the research materials]

В ситуации с верхней палатой парламента рост присутствия женщин в ней может быть напрямую связан с личностью главы палаты: в 2011 г. впервые в новейшей истории верхнюю палату парламента России возглавила женщина — Валентина Матвиенко. Она не скрывает своей позиции относительно численности женщин в палате: «У нас, могу точно сказать, я пришла — было 13 %, а сейчас мы выйдем на 25 % — количество женщин в Совете Федерации. И это только начало» [Матвиенко хочет

добиться..., 2021]. В нижней палате пиковое значение присутствия женщин не может быть связано с назначением спикера — Борис Грызлов возглавлял палату с 2003 по 2011 г., соответственно, в 2007 г. изменений в руководстве не было.

Динамика среднего показателя численности женщин в Федеральном Собрании РФ говорит о небольшом, но стабильном росте представительства женщин в российском парламенте: с 11,1 % в 2007 г. до 19,5 % в 2023 г.

Таким образом, в последние годы в российских представительных органах власти в целом женщины увеличивают долю присутствия, пусть небольшими темпами и с некоторыми ограничениями, которые наблюдаются скорее в нижней палате парламента. Остановимся подробнее на периоде, когда доля присутствия женщин в нижней палате парламента была наиболее высокой.

Партийность

Если рассматривать общие принципы формирования созывов Государственной Думы, то можно отметить, что первые три из них формировались в условиях широкого представительства партий и политических групп, а также независимых от них представителей. При этом доля женщин-депутатов, как мы помним, в этих созывах не превышала 10 %. Начиная с IV созыва, количество политических фракций и групп постепенно сокращается, а правила формирования палаты парламента стали постепенно ужесточаться. К примеру, в V созыве первые в истории современной России все депутаты избирались по партийным спискам, проходной порог для партий был повышен до 7 %, крупнейшая из партий «Единая Россия» при этом достигла 70 % депутатского корпуса и составляла конституционное большинство, возглавил партию также впервые в истории президент РФ [История Государственной Думы]. Кроме того, в V созыве осталось лишь четыре политических фракции, было запрещено формирование избирательных блоков. При этом именно в V созыве доля представительства женщин достигла максимального значения за всю новейшую историю и составила 15,9 %. Наибольшее количество женщин прошло в Государственную Думу по партийным спискам партий «Справедливая Россия» (29 % от общего состава) и «Единая Россия» (14 % от общего состава). В последующих созывах началось хоть и незначительное, но снижение числа женщин в нижней палате парламента. Нынешний VIII созыв не смог переломить эту тенденцию даже на фоне победы новой политической партии «Новые люди» и небольшого роста присутствия женщин в сравнении с предыдущим VII созывом.

Таким образом, женщины смогли добиться наибольшего представительства не в условиях роста числа политических фракций и разнообразия политических групп, а скорее вопреки это-

му. Получается, что партийный лифт и послужил основным проводником женщин в состав нижней палаты парламента страны, обеспечивая им необходимый административный ресурс. С.Г. Айвазова в своих исследованиях также отмечает особенности избирательной кампании 2007 г., благодаря которым в Государственную Думу попало большее по сравнению с предыдущими созывами количество женщин. В числе возможных причин Айвазова указывает корректировку партийных позиций с расчетом на попытку завоевания дополнительных симпатий со стороны избирателей, самой дисциплинированной частью которых остаются женщины, а также роль такого фактора, как престиж страны на международной арене, который требовал соблюдения хоть какой-то гендерной политкорректности [Айвазова С.Г., Кертман Г.Л., 2004].

Действительно, в одном из своих выступлений Дмитрий Медведев, который в 2008 году был избран Президентом РФ, не раз касался гендерных вопросов и в одном из выступлений прямо высказал мнение о представительстве женщин в российских органах власти: «Понятно, что чем больше будет интерес женщин к политике и больше будет представительство женщин во власти, тем лучше. Это правильно, поскольку — чего скрывать — в нашей стране представительство женщин во власти очень скромное ... по отношению, например, к некоторым европейским странам... Если количество женщин, принимающих ответственные решения во власти, будет больше, это будет лучше и для власти, и для страны» [Медведев считает..., 2021].

Безусловно, позиция первого лица государства отражала место гендерного вопроса в политической повестке страны на тот момент и возросшее количество женщин-депутатов нижней палаты парламента являлось подтверждением заявленных намерений обеспечения гендерного баланса в политической сфере.

Если рассмотреть, какие политические партии являлись основными поставщиками женщин-депутатов в Государственную Думу последних трех созывов, то оказывается, что лидером являлась «Единая Россия» [Крыштановская О.В., 2018]. И лишь в VIII созыве политической фракции «Новые люди» удалось побить рекорд единороссов и обеспечить 20 % мандатов женщинам (табл. 1).

Таблица 1. Женщины в политических партиях Государственной Думы ФС РФ 6–8 созывов (%)

Table 1. Women in political parties of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of 6–8 convocations (%)

Фракции в Госдуме	6-й созыв	7-й созыв	8-й созыв
Всего женщин (%%)	13,1	15,8	16,4
В том числе:			
Единая Россия	19,2	17,8	18,5
Справедливая Россия	11,3	13,0	7,7
КПРФ	4,3	7,1	12,3
ЛДПР	3,6	5,1	0,0
НЛ	–	–	20,0

[составлено авторами по материалам исследования]

[compiled by the authors based on the research materials]

Таким образом, получается, что политические партии являются одним из значимых лифтов, которые дают возможность женщинам подниматься на высокие этажи политической пирамиды. Однако согласованности в обеспечении гендерного баланса со стороны основных политических фракций не наблюдается. Стабильные количественные показатели на протяжении последних трех созывов наблюдаются лишь у фракции «Единая Россия», в то время как у ЛДПР, к примеру, в последнем, VIII созыве доля присутствия женщин упала до нуля.

Обновление и укорененность

Помимо количественных показателей, отражающих присутствие женщин в российском парламенте, важно понять их значимость, близость к принятию политических решений. Появились ли новые типы женщин-политиков или современный российский парламент заполняют «символические женщины», по сути, не принимающие значимых решений и не способные удержаться во власти. Важным показателем политического веса и влияния Е.В. Кочкина считает укорененность во власти — годы, проведенные на высоких политических должностях, в течение которых женщины-депутаты имеют возможность наработать нужные связи и авторитет. Частая ротация, напротив, указывает на невозможность накопления политического веса и потенциала, поэтому попытаемся изучить масштаб обновления женского депутатского корпуса, оценить скорость ротации и стаж работы в политике женщин-депутатов российского парламента [Кочкина Е.В., 2003].

В Советском Союзе существовали «женщины-легенды», которым удавалось укорениться в политике на довольно долгий срок: к примеру, Екатерина Фурцева занимала должность министра в течение 14 лет, а политическая карьера главы Комитета Советских женщин Алевтины Федуловой продлилась 27 лет. Однако таких были единицы, а остальные составляли «символическое большинство», приходили ненадолго и не имели значимого влияния.

Если мы оценим обновление женской части депутатского корпуса V созыва, то мы увидим, что рост женщин в нем произошел за счет новичков, т.е. женщин, впервые избранных в Государственную Думу. Их доля в процентном соотношении к численности женщин в созыве составила 62,3 %. Такого обновления депутатского корпуса женщинами не было зафиксировано ни в одном последующем созыве. Если же мы сравним средний возраст женщин-депутатов IV и V созывов, то станет понятно, что обновление депутатского корпуса V созыва произошло за счет довольно молодых по меркам политики женщин: при увеличении численности женского депутатского корпуса на 30 человек (с 47 женщин в IV созыве до 77 в V) средний возраст женщин не изменился и составил 48,3 года.

Удается ли женщинам-депутатам укорениться в представительных органах власти, и если да, то на какой срок?

За период с 1989 по 2018 г. в российском парламенте образовался пул женщин-парламентариев, которые укоренились в политике еще в советские годы, что помогло им закрепиться и в новых политических условиях. Их политический стаж превышает отметку в

20 лет, многие из них имеют опыт работы в обеих палатах парламента и до сих пор находятся во власти. Это Тамара Плетнева, Валентина Пивненко, Светлана Савицкая, Оксана Дмитриева, Елена Драпеко, Елена Панина, Галина Карелова, Елена Мизулина, Людмила Нарусова, Елена Афанасьева, Раиса Кармазина, Галина Хованская, Нина Останина, а также Валентина Матвиенко, которая возглавила верхнюю палату парламента России. Это политики-аборигены, имеющие значимые политические связи, опыт и вес. Однако под влиянием возраста с каждым годом их количество постепенно уменьшается, как и уменьшается роль в политике женщин, укорененных в нее еще с советских времен.

Им на смену приходят женщины-политики, карьера которых началась в постсоветское время в современных условиях. К примеру, только в V созыве Государственной Думы РФ начали свою политическую карьеру, укоренившись во власти, Ирина Яровая и Светлана Журова. Еще четыре женщины-депутата имеют опыт работы в парламенте более одиннадцати лет: Ольга Тимофеева была заместителем председателя Государственной думы РФ VII созыва, возглавляет комитет по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений; Алена Аршинова занимала должность заместителя председателя комитетов в двух созывах; Ольга Баталина была главой комитета по труду, социальной политике и делам ветеранов, на данный момент назначена первым заместителем министра труда и социальной защиты; Ольга Казакова возглавляет комитет Госдумы РФ по просвещению. Этих женщин можно смело назвать «новыми ветеранами» российской поли-

тики, которые приходят на смену политикам-аборигенам, получают значимые посты и наращивают политический потенциал.

Посмотрим, допустили ли женщин в нижней палате парламента до руководящих должностей или большинство из них лишь составили «массовку» и их присутствие было скорее номинальным.

Иерархии

Рассмотрим в гендерном разрезе Совет Государственной Думы РФ как управляющий орган, членами которого с правом решающего голоса являются Председатель Государственной Думы, первые заместители Председателя Государственной Думы, заместители Председателя Государственной Думы и руководители фракций.

Пост первого заместителя председателя Государственной Думы лишь в III и IV созывах удалось занять единственной женщине — Любови Слиске. Руководителем фракции также была лишь одна женщина — Екатерина Лахова в I созыве Государственной Думы.

Если рассмотреть картину в целом по всем восьми созывам нижней палаты парламента, то мы увидим, что женщины занимали небольшую долю в Совете Государственной Думы РФ. Однако и здесь существенно выделяется показатель присутствия женщин-депутатов V созыва — 22,2 %, который является максимальным за весь период наблюдения. Получается, что в 2007 г. было не только максимально увеличено присутствие женщин в нижней палате российского парламента, но и доверено им наибольшее количество должностей в руководящем органе палаты (табл. 2).

Таблица 2. Доля женщин в Совете Государственной Думы РФ (%)

Table 2. The share of women in the Council of the State Duma of the Russian Federation (%)

Показатель	Созыв Государственной Думы							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Количество женщин, чел	2	1	2	2	4	1	3	2
Доля женщин, %	10,5	6,2	9,5	8,7	22,2	4,7	15,8	13,3

[составлено авторами по материалам исследования]

[compiled by the authors based on the research materials]

Помимо мест в руководящем органе нижней палаты, в ее иерархии важную роль играют должности в постоянно действующих комитетах.

На протяжении семи созывов Государственной Думы постепенно возрастало количество женщин-депутатов, возглавляющих постоянные комитеты. В VIII созыве количество женщин —

глав комитетов понизилось не сразу и поначалу количество комитетов, которые возглавили женщины, было таким же, как и в предыдущих

двух созывах, однако спустя время комитет по регламенту преобразовали в комиссию, поэтому он выбыл из подсчетов (табл. 3).

Таблица 3. Количество женщин глав постоянных комитетов нижней палаты парламента России

Table 3. Number of female heads of the Standing Committees of the Lower House of the Russian Parliament

Показатель	Созыв Государственной Думы							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Число комитетов ГД РФ (n)	23	28	28	29	32	30	26	32
Женщины-председатели, чел	2	2	2	4	4	5	5	4
Доля женщин-руководителей комитетов, % к числу комитетов	8,7	7,1	7,1	13,8	12,5	16,7	19,2	12,5

[составлено авторами по материалам исследования]

[compiled by the authors based on the research materials]

Если рассматривать доли женщин, занимающих в VII и VIII созывах Государственной Думы соответственно, посты первых заместителей председателей комитетов (38,5 % и 28,2 %) и заместителей председателей комитетов (73,0 % и 75,0 %), то мы увидим, что в VIII созыве при небольшом уменьшении количества занятых женщинами руководящих постов возросла по сравнению с VII созывом доля женщин заместителей председателя комитетов. В целом получилось, что 70 % руководителей комитетов Государственной Думы восьмого созыва имеют у себя в заместителях женщину.

Руководящие посты распределены между женщинами, которые успели набрать политический вес, у остальных на постах заместителей руководителей появился шанс нарастить свой политический вес, укрепиться в иерархии и попытаться занять более высокую позицию в следующем созыве.

Кроме того, важно рассмотреть, расширяют ли женщины зоны своего присутствия и интереса в политическом пространстве за счет расширения сфер деятельности? И если 70 % постоянных комитетов уже имеют в руководящем составе по крайней мере одну женщину, остались ли в парламенте зоны, куда доступ женщинам закрыт?

Традиционно, начиная с первого созыва, женщины возглавляли комитет Государственной Думы по делам женщин, семьи и детей, кроме того, женщинам доверяли возглавить комитеты, ведающие экологией, и комитет по охране здоровья. На этом фоне Валенти-

на Пивненко, на протяжении трех созывов возглавлявшая комитет по делам Севера и Дальнего Востока, выглядела, скорее, исключением из уже ставшего традиционным правила. И здесь даже V созыв, который выделялся по количественным показателям, не принес сюрпризов: женщины достигли количественного большинства, однако при этом им не удалось выйти за рамки исторически ограниченных зон влияния. Однако, начиная со следующего созыва, произошло заметное расширение женских сфер влияния — женщины возглавили комитеты по жилищно-коммунальному хозяйству, финансовым рынкам, труду и социальной политике. Впервые также женщине удалось попасть в традиционно мужскую сферу — Ирина Яровая возглавила комитет по безопасности. Но расширение сферы интересов женщин было недолгим и уже в следующем созыве женщинам передали в ведение лишь комитеты по культуре и регламенту; в же VIII созыве зона влияния расширилась за счет комитета по просвещению и комитета по развитию гражданского общества, которые в целом нельзя назвать кардинально новыми для женщин.

Если сравнить последние два созыва по сферам влияния и количественному присутствию в них женщин-депутатов в целом, то можно отметить, что женщинам в VIII созыве удалось нарастить свое присутствие в комитете, который занимается вопросами законодательства, а также получить места в ряде комитетов, ответственных за сферы экономической политики. При этом в обоих созывах остаются комитеты,

в которые не удалось попасть ни одной женщине: это комитет по финансовому рынку и комитет по делам Содружества Независимых Государств и евразийской интеграции. Кроме того, в VIII созыве исчезли женщины и из комитета по информационной политике, также их нет в сфере собственности, земельных и имущественных отношений.

Всего одна женщина присутствует в нынешнем созыве Государственной Думы в комитетах по молодежной политике и физической культуре и спорту несмотря на то, что вопросы воспитания и обучения подрастающего поколения традиционно были в ведении женщин, а в составе депутатского корпуса были яркие спортсменки, известные своими спортивными победами всей стране. Также всего по одной женщине присутствует в комитетах, отвечающих за экономическую политику, промышленность и торговлю, а также защиту конкуренции.

Создается ощущение, что на смену непродолжительному периоду «заигрывания» власти с вопросом расширения присутствия и влияния женщин в политике пришел постепенный откат к традиционным сферам женского присутствия. Иными словами, происходит умеренное расширение интересов женщин в политическом пространстве, но под контролем реальных субъектов власти, больше похожий на «гендерную десятину». Женщины по-прежнему не имеют в большинстве занятых сфер большинства, необходимого для значимого влияния на принятие решений и внедрения политики своих гендерных интересов.

Однако это не означает, что у женщин нет возможности наращивать свой потенциал: к примеру, Елена Мизулина, которая возглавляла в нижней палате V и VI созыва комитет по делам женщин и детей, переместилась в верхнюю палату парламента, а Ольга Баталина, возглавлявшая в созыве комитет труда и социальной политике, стала заместителем министра труда и социальной защиты РФ.

Заключение и выводы

По итогам выборов в Государственные думы восьми созывов постсоветского периода, число женщин-депутатов не превышало 15,9 %, причем данная цифра была достигнута лишь в V созыве и остается «стеклянным потолком», который женщины не смогли преодолеть.

Женщины получили большинство и рекордное количество постов в высшем руководящем органе палаты парламента не в условиях увеличения числа политических фракций и групп в политической борьбе за депутатские мандаты, а в условиях ужесточения условий выборов в Государственную Думу. Политические партии стали для женщин лифтом в представительные органы власти, однако слаженности стратегии политических фракций в вопросе гендерного равноправия не наблюдается, политическая система остановилась на «гендерной десятине», т.е. допускает рост представительства женщин, но весьма умеренный и под пристальным контролем реальных субъектов власти. Увеличение было произведено за счет привлечения новых, не имеющих значимого опыта и достаточного политического капитала женщин-депутатов, которым сложно было удержать свои позиции. Однако это не помешало сформироваться новому типу «женщин-ветеранов» российской политики, которые приходят на смену «политикам-аборигенам» и имеют за плечами солидный накопленный политический вес и потенциал.

В нынешнем VIII созыве незначительно сократилось присутствие женщин на руководящих постах, при этом увеличилось присутствие на постах заместителей руководителей. При общем увеличении присутствия женщин в целом в распределении по комитетам Государственной думы не наблюдается значимого расширения ареала женского влияния. По-прежнему остаются политические зоны, не доступные женщинам: это комитет по финансовому рынку и комитет по делам Содружества Независимых Государств и евразийской интеграции, а также сферы собственности, земельных и имущественных отношений.

В целом, количественное представительство женщин в российском парламенте с каждым годом медленно возрастает. Однако подавляющее большинство женщин-депутатов не имеет возможности набирать политический вес, занимает «символические» должности, по-прежнему высока ротация женщин в парламенте, поэтому рано говорить о коренном переломе в вопросе гендерного равноправия в российской политике.

Подобный номинальный подход к проблеме гендерного представительства и равноправия на политическом поле со стороны государства

не способен обеспечить интеграцию женщин в политический процесс и напоминает некую имитацию «игры в гендер» (по выражению С. Айвазовой [Айвазова С.Г., 2007]). Французский социолог Ги Дебор писал, что «действующее лицо спектакля, выставленное на сцену в качестве звезды, является противоположностью индивида, его врагом, как сам по себе, так и во всех, кто ему уподобляется» [Дебор Г., 2020]. Женщины, которых политическая система делает своими публичными представителями, вполне соответствуют этому описанию, исполняя роли, которые им предложено играть в этом спектакле. Их субъектность ограничена и весьма условна, хотя она и может возрастая с годами пребывания во власти. Разделение зрелищных задач, сохраняющее общую структуру существующего порядка, принципиально сохраняет и доминирующий полюс его развития. В целом женщины не приблизились к фактическому равенству в области народного представительства в политических процессах, оставаясь в своем большинстве акторами, выполняющими определенные зрелищные задачи.

Список литературы

- Айвазова С.Г.* «Игра в гендер» на поле российской политики: возможности институциональных изменений // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. Вып. 6. С. 319–331.
- Айвазова С.Г., Кертман Г.Л.* Мы выбираем, нас выбирают...: гендерный анализ избирательных кампаний 2003 и 2004 гг. в России. М.: Олита, 2004. 196 с.
- Бурдые П.* Мужское господство // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетея, 2005. С. 286–364.
- Валентина Терешкова* предложила рассмотреть вопрос о снятии ограничений по числу президентских сроков / Государственная Дума РФ. 2020. 10 мар. URL: <http://duma.gov.ru/news/47995/> (дата обращения: 20.05.2023).
- Дебор Г.* Общество спектакля. М.: Опустошитель, 2020. 280 с.
- Зимин В.А.* Женщины России в политике и структурах власти // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 297–299.
- История Государственной Думы / Государственная Дума РФ.* URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/history/information/> (дата обращения: 20.05.2023).
- Кочкина Е.В.* Женщины в российских органах власти // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 173–183.
- Кочкина Е.В.* Представительство женщин в структурах власти России, 1917–2002 гг. // Гендерная реконструкция политических систем / под ред. Н.М. Степанова, М.М. Кириченко, Е.В. Кочкина. СПб.: ИСПГ–Алетей, 2003. С. 975–982.
- Крыштановская О.В.* Женщины в российском парламенте // Тетради по консерватизму. 2018. № 4. С. 274–290. DOI: <https://doi.org/10.24030/24092517-2018-0-4-274-290>
- Матвиенко* хочет добиться, чтобы в Совфеде было равное количество мужчин и женщин // Интерфакс. 2021. 28 сен. URL: <https://www.interfax.ru/russia/794012> (дата обращения: 20.05.2023).
- Медведев* считает, что в России «очень скромное» представительство женщин во власти // ТАСС. 2021. 5 мар. URL: <https://tass.ru/politika/10843895> (дата обращения: 20.05.2023).
- Силласте Г.* Женские элиты в России и их особенности // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 112–121.
- Солодова Д.* Женская доля: как распределены места в парламентах мира // Bird in Flight. 2015. 15 июл. URL: <https://birdinflight.com/ru/infografica/zhenskaya-dolya-kak-raspredeleny-mesta-v-parlamentah-mira.html> (дата обращения: 15.07.2015).
- Степанова Н.М.* Участие женщин в политической жизни: сравнительный опыт России и Великобритании // Женщина в российском обществе. 2011. № 3(60). С. 77–80.
- Тишков В.А.* Женщина в российской политике и структурах власти // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен: материалы Междунар. конф. (Москва, 14–16 мая 1993 г.) / отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 1994. С. 8–16.
- Хасбулатова О.А.* Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // Женщина в российском обществе. 2018. № 4(89). С. 49–59. DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2018.4.5>
- Хасбулатова О.А., Смирнова И.Н.* Эволюция женского вопроса в российском обществе (1900–2020) // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 3–21. DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2022.1.1>
- Цветкова Н.А.* Женщины в системе государственного управления и политике России // Развитие российской системы государственного

управления: реалии современности, тенденции, перспективы: материалы II междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 23–25 октября 2017 г.) / сост. И.В. Мишуткина. Калининград: Аксиос, 2017. С. 240–242.

Чирун С.Н., Боброва Е.А. Гендерные особенности политического участия в постсовременной России // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 2(87). С. 104–115. DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2018.2.9>

Численность и состав населения / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.05.2023).

Шведова Н.А. Международное сообщество о гендерном равенстве // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 4(73). С. 32–39.

Engel B.A. Women in Russia and the Soviet Union // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 1987. Vol. 12, no. 4. P. 781–796. DOI: <https://doi.org/10.1086/494366>

Jancar-Webster B.W. *Women under Communism*. Baltimore, MD: John Hopkins University Press, 1978. 304 p.

Klein V. *The Feminine Character: History of Ideology*. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1971. 202 p.

Tishkov V.A. *Women in Russian Politics // Economic and Political Weekly*. 1993. Vol. 28, no. 51. P. 2837–2840.

References

Ayvazova, S.G. (2007). [«The game of gender» in the field of Russian politics: the possibilities of institutional changes]. *Rossiya reformiruyuschayasya: yezhegodnik, otv. red. M.K. Gorshkov* [M.K. Gorshkov (ed.) *Russia reforming: yearbook*]. Moscow: IS RAS Publ., iss. 6, pp. 319–331.

Ayvazova, S.G. and Kertman, G.L. (2004). *My vybiraem, nas vybirayut...: Gendernyy analiz izbiratel'nykh kampaniy 2003 i 2004 gg. v Rossii* [We choose, we are chosen...: Gender analysis of the election campaigns of 2003 and 2004 in Russia]. Moscow: Olita Publ., 196 p.

Bourdieu, P. (2005). *Muzhskoye gospodstvo* [Male domination]. *Burd'ye P. Sotsial'noe prostanstvo: polya i praktiki* [Bourdieu P. Social space: fields and practices]. Moscow: Institute of Experimental Sociology Publ., St. Petersburg: Aleteya Publ., pp. 286–364.

Chirun, S.N. and Bobrova, E.A. (2018). [Gender features of political participation in post-modern

Russia]. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society]. No. 2(87), pp. 104–115. DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2018.2.9>

Chislennost' i sostav naseleniya [Population size and composition]. Federal State Statistics Service. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (accessed 20.05.2023).

Debord, G. (2020). *Obschestvo spektaklya* [The society of the spectacle]. Moscow: Opustoshitel Publ., 280 p.

Engel, B.A. (1987). Women in Russia and the Soviet Union. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 12, no. 4, pp. 781–796. DOI: <https://doi.org/10.1086/494366>

Jancar, B. (1978). *Women under communism*. Baltimore, MD: John Hopkins University Press, 304 p.

Istoriya Gosudarstvennoy Dumy [History of the State Duma]. State Duma of the Russian Federation. Available at: <http://duma.gov.ru/duma/about/history/information/> (accessed 20.05.2023).

Khasbulatova, O.A. (2018). [Technologies for creating the myth of gender equality: Soviet practices]. *Zhenshchina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian society]. No. 4(89), pp. 49–59. DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2018.4.5>

Khasbulatova, O.A. and Smirnova, I.N. (2022). [The evolution of the women's issue in Russian society (1900–2020)]. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society]. No. 1, pp. 3–21. DOI: <https://doi.org/10.21064/winrs.2022.1.1>

Klein, V. (1971). *The feminine character: history of ideology*. Urbana, IL: University of Illinois Press, 202 p.

Kochkina, E.V. (1999). [Women in Russian authorities]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 1, pp. 173–183.

Kochkina, E.V. (2003). [Representation of women in the power structures of Russia, 1917–2002]. *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh system, pod red. N.M. Stepanovoy, M.M. Kirichenko, E.V. Kochkinoy* [N.M. Stepanova, M.M. Kirichenko, E.V. Kochkina (eds.) *Gender reconstruction of political systems*]. St. Petersburg: ISPG–Aletheya Publ., pp. 975–982.

Kryshchanovskaya, O.V. (2018). [Women in the Russian parliament]. *Tetrady po konservatizmu* [Notebooks on conservatism]. No. 4, pp. 274–290. DOI <https://doi.org/10.24030/24092517-2018-0-4-274-290>

Matviyenko khochet dobit'sya, chtoby v Sovfede bylo ravnoye kolichestvo muzhchin i zhenshchin (2021) [Matvienko wants to ensure that there are an equal number of men and women in the Federation

Council]. Interfax, Sep. 28. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/794012> (accessed 20.05.2023).

Medvedev schitaet, chto v Rossii «ochen' skromnoe» predstavitel'stvo zhenshin vo vlasti (2021) [Medvedev believes that there is a «very modest» representation of women in power in Russia]. TASS. Mar. 5. Available at: <https://tass.ru/politika/10843895> (accessed 20.05.2023).

Shvedova, N.A. (2014). [International community on gender equality]. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society]. No. 4(73), pp. 32–39.

Sillaste, G. (1994). [Women's elites in Russia and their features]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity]. No. 1, pp. 112–121.

Solodova, D. (2015). *Zhenskaya dolya: kak raspredeleny mesta v parlamentakh mira* [Women's share: how seats in the parliaments of the world are distributed]. Bird in Flight. Jul. 15. Available at: <https://birdinflight.com/ru/infografica/zhenskaya-dolya-kak-raspredeleny-mesta-v-parlamentah-mira.html> (accessed 15.07.2015).

Stepanova, N.M. (2011). [Women's participation in political life: Comparative experience of Russia and Great Britain]. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society]. No. 3(60), pp. 77–80.

Tishkov, V.A. (1994). [Woman in Russian politics and power structures]. *Zhenschina i svoboda: puti vybora v mire traditsiy i peremen: materialy*

Mezhdunarodnoy konferentsii (Moskva, 14–16 maya 1993 g.) [Woman and freedom: Ways of choice in the world of traditions and changes: proceedings of the International Conference (Moscow, May 14–16, 1993)]. Moscow: Nauka Publ., pp. 8–16.

Tishkov, V.A. (1993). Women in Russian politics. *Economic and Political Weekly*. Vol. 28, no. 51, pp. 2837–2840.

Tsvetkova, N.A. (2017). [Women in the system of public administration and politics of Russia]. *Razvitie rossiyskoy sistemy gosudarstvennogo upravleniya: realii sovremennosti, tendentsii, perspektivy: materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kaliningrad, 23–25 oktyabrya 2017 g.)* [Development of the Russian System of Public Administration: Realities of Modernity, Trends, Prospects: Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference (Kaliningrad, October 23–25, 2017)]. Kaliningrad: Aksios Publ., pp. 240–242.

Valentina Tereshkova predlozhila rassmotret' vopros o snyatii ogranicheniy po chislu prezidentskih srokov (2020). [Valentina Tereshkova suggested considering lifting restrictions on the number of presidential terms]. State Duma of the Russian Federation. Mar. 10. Available at: <http://duma.gov.ru/news/47995/> (accessed 20.05.2023).

Zimin, V.A. (2013). [Women of Russia in politics and power structures]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 10, pp. 297–299.

Об авторах

Юшкина Надежда Александровна
аналитик Научного центра
цифровой социологии «Ядов-центр»

Российский государственный
гуманитарный университет,
125047, Москва, Миусская пл., 6;
e-mail: 4454508@gmail.com
ResearcherID: JGC-9122-2023

Крыштановская Ольга Викторовна
доктор социологических наук, профессор,
директор Научного центра цифровой
социологии «Ядов-центр»

Российский государственный
гуманитарный университет,
125047, Москва, Миусская пл., 6;
e-mail: olgakrysht@ya.ru
ResearcherID: GLQ-7604-2022

About the authors

Nadezhda A. Yushkina
Analyst of the Scientific Center
for Digital Sociology «Yadov Center»

Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russia;
e-mail: 4454508@gmail.com
ResearcherID: JGC-9122-2023

Olga V. Kryshstanovskaya
Doctor of Sociology, Professor,
Director of the Scientific Center
for Digital Sociology «Yadov Center»

Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russia;
e-mail: olgakrysht@ya.ru
ResearcherID: GLQ-7604-2022